

ческие планы и мероприятия сторон, основное внимание уделяется центральному эпизоду противостояния — битве на р. Ведроше.

Раздел «Русь и Орда» представлен содержательной статьей Б. Р. Рахимзянова (Казань, Россия), в которой на общем фоне взаимоотношений русских княжеств и политических образований, возникших на обломках Золотой Орды, приводятся новые наблюдения относительно возникновения и дальнейшей истории Касимовского ханства в XV веке. Автором приводятся убедительные аргументы в пользу того, что на начальном этапе своего существования Касимовское ханство представляло интересы Казанского ханства и являло собой зримое воплощение силы Казани на территории русских земель; в течение XV в. оно сохраняло относительно независимый статус, хотя его ханы и служили московскому князю.

Завершает сборник обстоятельная подборка рецензий на новейшую историческую литературу, посвященную самым разным темам: это работы по источниковедению, историографии, истории русского права, исследования в области восточнославянского политогенеза, этнических и политических процессов.

С. Л. Алексеев, А. И. Филлюшкин

Гудавичюс Э. История Литвы. Т. I: С древнейших времен до 1569 года / Науч. ред. Е. Л. Назарова; Пер. Г. И. Ефремова. М.: Фонд им. И. Д. Сытина BALTRUS, 2005. 670 с. ISBN 5-94953-029-2

Как воплотить в национальном нарративе изображение своей истории? Эта проблема остро стоит перед республиками, некогда входившими в состав СССР, а теперь превратившимися в суверенные государства. В каких-то из них собственная историографическая традиция оказалась прервана с приходом Советской власти, в других данная традиция не существовала вовсе. Поэтому создание национального исторического нарратива — задача непростая. Ее решение требует новаторства в мышлении и нестандартности подхода, что для молодых историографий стран Восточной Европы является достаточно сложным, — новаторство возникает там, где есть традиция, и позиционирует себя как новаторство именно по сравнению с традицией. Если же последняя была прервана или еще не успела сформироваться — питательная почва для складывания национального нарратива оказывается весьма жидкой.

Тем не менее ситуация не безнадежна, и мы видим удачные примеры создания национальных нарративов в странах Восточной Европы. Одним из них является

литовская историография последнего десятилетия, и в особенности книга Эдвардаса Гудавичюса «История Литвы с древнейших времен до 1569 года». Книга писалась с 1992 по 1999 год. В 1999 г. увидело свет литовское издание¹, а в 2005 г. был издан русский перевод, которому, собственно, и посвящена данная рецензия.

Национальный нарратив можно писать по-разному. Он может быть националистическим — как знаменитая книга Адольфа Шапоки². Он может быть вестернизированным — как в историях Литвы Стефена Роуэлла³, Зигмунтаса Кяупы, Юраты Кяупене и Альбинаса Кунцевичюса⁴. Книга Гудавичюса — это литовский великодержавный нарратив (недаром в русском переводе употребляется термин «державное мышление» — термин, часто фигурирующий на страницах работы; см., например: С. 127, 130, 135, 147). Рецензируемый труд является апофеозом политической истории — истории князей и королей, епископов и римских пап.

Соответствуя в данном аспекте лучшим образцам европейской позитивистской историографической традиции, книга Гудавичюса отдает дань и советской исторической школе. В ней выделяются особые разделы, посвященные социально-экономической истории, написанные в стиле советской исторической науки. В соответствии с последней построена и структура книги — как отдельные повествовательные линии выделяются: тема становления феодализма, рассуждения об отсталости язычества по сравнению с христианством и необходимости принять крещение, проблема национально-освободительной борьбы и обретения суверенитета. Это — «джентльменский набор» идей из советского историографического канона описания истории народов СССР, как правило, во времена оные еще обильно сдобренный классовой борьбой. Сейчас увлечение последней — в прошлом, однако остальные идеи по-прежнему актуальны.

При этом, поскольку любой национальный нарратив прежде всего идеологизирован и только потом научен, приемы идеологизации повествования автор тоже берет у советской историографии, благо подавляющее большинство творцов современных национальных нарративов получили в советское время неплохую школу и в совершенстве овладели методиками. Происходит только замена идеологического содержимого, а методы его преподнесения читателю остаются старыми. Эта особенность национальных нарративов постсоветского пространства не раз была подмечена критиками⁵.

Правда, стоит подчеркнуть, что рецензируемая «История Литвы» Эдвардаса Гудавичюса отнюдь не является «вывернутой наизнанку» историей Литовской ССР, в которой белое стало черным, а черное — белым. Труд литовского ученого далек от столь примитивного подхода, и идеи в нем преподносятся гораздо тоньше и искусней. Главный пафос и цель книги Гудавичюса — доказать, что «Литва есть европейская держава», ни в коем случае не имеющая с Россией ничего общего. Литва и Россия принадлежат к разным культурно-цивилизационным общностям. Литва вырабатывала свою собствен-

¹ *Gudavičius E. Lietuvos istorija. Nuo seniausių laikų iki 1569 metų. Vilnius, 1999.*

² *Lietuvos istorija / Red. A. Šapoka. Kaunas, 1936.*

³ *Rowell St. Lithuania Ascending a Pagan Empire within East-Central Europe, 1295–1345. Cambridge, 1994.*

⁴ *Kiaupa Z., Kiaupienė J., Kuncevičius A. Lietuvos istorija iki 1795 metų. Vilnius, 1995.* — Существует английский перевод: *Kiaupa Z., Kiaupienė J., Kuncevičius A. The History of Lithuania before 1795. Vilnius, 2000.*

⁵ Ср., например, блестящую рецензию Н. Яковенко: *Яковенко Н. В кольорах пролетарської революції [рец. на книгу: В. А. Смолій, В. С. Степанков. Українська національна революція XVII ст. (1648–1676 рр.) / Серія «Україна крізь віки». Т. 7. Київ: Альтернативи, 1999. 351 с. + 53 іл.] // Український гуманітарний огляд. 2000. Вип. 3.*

ную «литовскую цивилизационную монаду» (С. 480) путем «ухода» из Руси (С. 326), что, естественно, тут же сопровождалось «возникновением реальной русской угрозы» (С. 339). Время вхождения Литвы в европейскую политическую систему и официальное признание этого другими западными странами совпадает, по Гудавичюсу, со временем правления Миндовга в середине XIII в. (С. 53). Уже в XV в. литовцы создали собственную концепцию «национального государства и его законных границ» (С. 243) — во всех подобных заявлениях, обусловленных не чем иным, как презентизмом, перед нами — явная модернизация истории.

Таким образом, реалии советско-литовских отношений в XX в. определяют оптику историка, генерируют схему его прочтения истории Литвы в Средневековье и Раннее Новое время. Насколько эта оптика соответствует реалиям XIV–XVI вв. — вопрос остается открытым. Но целям создания национального нарратива такой подход вполне отвечает: читатель сразу видит целостность национальной истории, ее цикличность, постоянство задач, стоявших перед народом с древности до современности.

Особенно это согласуется с излюбленным сегодня тезисом о русской оккупации стран и народов Восточной Европы. По Гудавичюсу, первый акт русской оккупации Литвы относится уже к 1040–1131 гг. Однако «Древнерусское государство в начале XII века распалось, и в 1131 г. литовцы обрели свободу» (С. 30). Аналог с распадом СССР налицо, но без лукавства не обошлось — уж никак не киевские князья стояли на пути зарождения средневековой литовской государственности.

Правда, помимо русских роковую роль в литовской истории сыграли немцы, которые не дали уже в Средние века сложиться конфедерации литовских земель в общеприбалтийском масштабе, — германцы захватили земли в бассейне Даугавы, на которые претендовали литовцы (С. 42). Прибалтийские народы во главе с литовцами отомстили тевтонам за пережитые унижения: в 1236 г. в битве при Сауле (Шауляе) орден меченосцев был разгромлен и перестал существовать в качестве политической силы (С. 45). Нисколько не умаляя исторического значения битвы при Шауляе, все же заметим, что немецкие рыцарские ордена, несмотря на «разгром» и «прекращение существования как политическая сила», правили Прибалтикой еще более 300 лет. Вряд ли корректно давать столь хлесткие и однозначные оценки, как «разгром» и «прекращение существования». Рыцари проиграли сражение — но не войну за Прибалтику.

Наряду с зависимостью от дискурсов XX века, в книге Гудавичюса встречаются фрагменты, в которых он, напротив, зависит от литовской средневековой историографии. Еще в литовском летописании XV–XVI вв. был сформулирован тезис, что литовские князья заняли земли бывшей Киевской Руси потому, что русские князья утратили на них право, проиграв в 1237–1240 гг. военную кампанию монголам⁶. Именно этот тезис и воспроизводит Гудавичюс, рассказывая о складывании территории Великого княжества Литовского начиная со времен Миндовга (С. 48).

⁶ См.: *Филиюшкин А. И.* 1) Сравнительный анализ генеалогических легенд XVI в. о происхождении великокняжеских династий Российского и Литовского государств // *Древняя Русь и Запад*. Научная конференция: Книга резюме. М., 1996. С. 133–136; 2) К вопросу о редакциях белорусско-литовских летописей: (В связи с развитием легенды о Палемоне) // *Старонкі гісторыі Магілева. Зборнік навуковых прац удзельнікаў навуковай канферэнцыі «Гісторыя Магілева: Мінулае і сучаснасць»*. Магілёў, 1998. С. 41–50; 3) *Легендарные родословцы великих князей литовских и великих князей московских* // *Русский родословец*. М., 2001. Вып. 1. С. 6–14.

Каков же был исторический путь Литвы в Европу? Отставание от Европы население, жившее на территории современной Литвы, начало сокращать уже в первые века нашей эры (С. 21). Причем можно говорить именно о литовском историческом пути: по мнению Гудавичюса, литовский язык выделился из балтского праязыка приблизительно в VI–VII вв. н. э. (С. 23). При этом историк стремится изначально вписать историю Литвы в общеевропейские процессы, привести общепонятные аналогии. Например, Гудавичюс определяет литовское общество XI–XII вв. как «викинговое», «только лодку здесь заменил конь» (С. 29). Наверное, излишне говорить о том, что для культуры викингов никакой конь не может заменить корабль с его уникальным совпадением социальной и военной организации на одном, если так можно выразиться, «носителе» (корабле). Общество викингов на конях — это уже не общество викингов. Но Гудавичюса это не смущает, для него важно вписать ранних литовцев в значимый в исторических масштабах и, главное, европейский исторический феномен. Викинги, тем более в балтийском регионе, подходят для этого как нельзя более кстати.

Литва вообще стала «субъектом истории», только «когда столкнулась с латинской Европой» (С. 37), т. е. с немецкими рыцарскими орденами. Правда, не все складывалось гладко: к XIV в. «в Европе тех лет небольшому и отсталому литовскому народу уже не осталось места, но успешное развитие литовского государства позволило его отвоевать» (С. 122). И Миндовг, и Гедимин, по мнению Гудавичюса, видели свою историческую миссию именно в том, чтобы быть «проводниками» литовского народа в Европу. Но при этом оказались непонятыми своим народом, опередили свой век (С. 122).

Как первый шаг европеизации, естественно, рассматривается христианизация (С. 135, 137). Без католицизации Литва географически была в Европе, но геополитически пребывала вне ее (С. 194). То, что католическая вера «стала составной частью» достигнутого литовцами европейского менталитета, не раз повторяется на страницах книги (см., например, о Витовте — С. 233).

Однако европеизация есть усвоение европейских культурных ценностей и моральных стандартов. Гудавичюс придерживается их на страницах книги, особенно при вынесении тех или иных оценок. Например, он осуждает великого князя Ольгерда за «силовую политику» и считает, что за приверженность князя к «силовым методам» Литву постигла историческая расплата (С. 147). Она вылилась прежде всего в усилении влияния Москвы на литовскую политику в 1380-е гг. (С. 149).

Несмотря на то что эталоном и ориентиром для Литвы в глазах Гудавичюса выступает Европа, Россия на страницах книги предстает тем магическим зеркалом, в которое Литва глядится с ужасом, пугаясь исходящей от зеркала угрозы, — но, тем не менее, глядится постоянно. Ориентируясь на Европу и идеализируя ее, Литва тем не менее строит свою жизнь и историю с перманентной оглядкой на Россию. Поэтому для Гудавичюса неизбежно обращение к «русской теме», чтобы четко обозначить различия между Литвой и Россией и указать на их исторические роли.

Малейшее сближение исторических судеб этих стран и народов вызывает у автора испуг якобы перед симптомом поглощения Россией Литвы. Другие формы отношений между суверенами историка, видимо, неизвестны. Помимо уже упоминавшегося абсурдного пассажа о русской оккупации литовцев еще в XI–XII веках, Гудавичюс превозносит хвалу Дмитрию Донскому, который в 1382 г. позволил хану Тохтамышу сжечь Москву и тем самым отвратил великого князя литовского Ягайло от идеи русско-

литовского союза (С. 150). Пафос рассуждений автора о русско-литовских отношениях эпохи Куликовской битвы заслуживает того, чтобы привести их целиком:

«Созданная за счет русских земель, Литовская держава была единственным гарантом безопасности литовского народа перед лицом могучего соседа. В 1380 г. Литва исполнила в русской истории роль, которую Русь сыграла в литовской истории в 1131 г. Но был и другой аспект: экспансия Литвы грозила втянуть немногочисленную литовскую народность в водоворот исторического развития Руси. Поэтому литовцы должны быть благодарны Дмитрию Донскому, как англичане — Жанне д'Арк. Конечно, возвышение Руси таило опасность для литовской державы, но лишь в отдаленной перспективе. Не умаляя исторического значения и эффекта Куликовской битвы, надо признать, что этой победы Руси оказалось недостаточно для устранения Литвы с занятых ею русских земель. Для русской народности они оказались утрачены навсегда, ибо тут сложились условия для самостоятельного развития восточно-славянского этноса. Это была историческая обида, нанесенная Литвою России, и историческая заслуга Литвы перед будущими украинской и белорусской народностями» (С. 150–151).

Неискушенный читатель из этих слов может вынести впечатление, будто бы главным соперником Руси на Куликовом поле были вовсе не татары, а литовцы. Наверное, для современной Литвы важна именно такая трактовка событий 1380 года, однако она имеет мало общего с реалиями истории международных отношений последней четверти XIV века, и роль Литвы в них была куда более скромной, чем это хочется представить автору рецензируемой книги.

На фоне отношений с Россией Гудавичюс гораздо меньше внимания уделяет другой соседней державе, чья роль в истории средневековой Литвы была гораздо значительней, чем российская, — Королевству Польскому. Оно упоминается вскользь, и первые пространные характеристики Польши появляются на страницах книги, только когда речь заходит о Кревской унии 1385 года. Данный международный акт историк подвергает однозначному осуждению как аннексионную тенденцию польской Короны. Он критически пишет о сюзеренитете Польши над Литвой, о превращении последней в провинцию королевства, о том, что в Кревском акте даже нет упоминания о Великом княжестве Литовском как государстве — речь идет о «землях Литвы и Руси» (С. 166–167). Это неверно — в тексте Кревского договора фигурирует титул Ягайло («*My Jagiełło, z mocy boskiej wielki książę litewski, Rusi pan i dziedzic przyrodzony*»)⁷, что равнозначно упоминанию самого государства.

В дальнейшем на страницах книги начинают фигурировать «польский гегемонизм» (С. 172) и даже «аннексионистские потуги польских политиков» (С. 182, 534). Автор подчеркивает, что Литва была «сателлитом», но не «вассалом» Польши (С. 298). В соответствии с традициями литовской историографии Люблинская уния 1569 г. названа не иначе как «Люблинская трагедия» (С. 647). При этом, несмотря на все негативные оценки польского влияния, Гудавичюс тут же утверждает, что именно через унию с Польшей Литва наконец-то вошла-таки в Европу (С. 182), что делает антипольские выпады книги выглядящими несколько странно.

При этом в случаях, когда агрессивная политика со стороны Великого княжества Литовского и Королевства Польского была бесспорной, Гудавичюс старается изобра-

⁷ Akt unii wystawiony w Krewie dnia 14 Sierpnia 1385 r. // <http://www.law.uj.edu.pl/users/khpp/fontesu/1385.htm> (последнее посещение 23 сентября 2007 г.)

зять ее весьма завуалировано. Так, откровенно аннексионистские устремления Польши против Ливонии в 1550-е годы, связанные с так называемой «войной коадьюторов» и Позвольским договором 1557 года, автор квалифицирует как предпринятые сугубо в ответ грядущей русской агрессии, против русско-ливонского договора 1554 года. Хотя даже в польской историографии не скрывается, что инициатива захвата Ливонии исходила в первую очередь от Короны, и до 1558 г. «русский фактор» был здесь мало-значимым⁸.

В заключение — несколько слов о русском издании и переводе книги. Русское издание выполнено по дизайн-макету литовского и потому принципиальных внешних отличий не имеет, не считая расположения текста и иллюстративного материала. И все же русский вариант, к сожалению, не лишен недостатков. Их можно условно разделить на три группы: ошибки набора, ошибки перевода и ошибки редактуры.

Ошибки набора связаны прежде всего с передачей литовских слов там, где присутствуют диакритические знаки. Впрочем, такие «опечатки» (вернее, здесь мы имеем проблему кодировки программного обеспечения набора, а не собственно ошибки наборщика) скорее исключение, и приводимым литовским формам можно в большинстве случаев доверять.

Следующая категория — оплошности перевода. То ли ввиду объема книги (русское издание превышает 650 страниц), то ли ввиду поспешности подготовки перевод местами звучит не совсем по-русски, в некоторых случаях отсутствует шрифровка на уровне соответствия нормам русского языка⁹.

Существеннее в русском издании все же другой момент: не всегда продуманная политика перевода имен собственных — как антропонимов, так и топонимов. Некоторые имена, наиболее часто встречающиеся в тексте (прежде всего имена литовских князей), даются при первом употреблении наряду с литовским оригиналом в скобках. В ряде случаев приводятся сразу два варианта перевода имени собственного (но уже без литовского оригинала). Один — соответствует традиционной передаче литовских имен собственных, характерной для русских летописей и последующей русской историографии.

Другой вариант — попытка перевода, соответствующая фонетическому звучанию литовского оригинала. При этом один из вариантов (очевидно, принятый в качестве факультативного и нередко приводимого лишь один раз) приводится в скобках. Иногда таких факультативных вариантов не один, а два, и за основной вариант не всегда выбирается традиционный для русского языка. Впрочем, большинство имен крупнейших литовских исторических деятелей приводится в соответствии с принятой русской формой (Витовт вместо Витаутас, Гедимин вместо Гядиминас, и т. п.). И потому необоснованное исключение из этого правила задевает взгляд читателя. Так, извест-

⁸ См.: *Rasmussen K.* Die livländische Krise 1554–1561. Kopenhagen, 1973. S. 28–29; *Tiberg E.* Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges: Die Beziehungen zwischen Moskau und Litauen 1549–1562. Uppsala, 1984. S. 63, 85–87; *Olewnik J.* Polsko-Pruski plan inkorporacji Inflant do Monarchii Jagiełłońskiej z lat 1552–1555 i jego pierwsze stadium realizacji // *Komunikaty mazursko-warmińskie: Kwartalnik.* 1979. Nr. 4 (146). S. 396–398; *Stancelis V.* The Annexation of Livonia to the Grand Duchy of Lithuania: Historiographical Controversies // *Lithuanian Historical Studies.* 2000. № 5. P. 21–25.

⁹ Важно уточнить, что переводчик книги — искусный в языковых тонкостях мастер, поэт и известный переводчик литовской поэзии Георгий Ефремов, поэтому говорить о какой-либо литературной некомпетентности вряд ли уместно.

ный политический деятель, магнат XVI в. Константин Острожский передан как Острогский. Кроме того, некоторые принятые в русском языке топонимы переводятся в литуанизированной форме (вместо Жемайтии и Шауляй — Жямайтия и Шяуляй соответственно).

Данные замечания нацелены не на критику конкретного подхода в переводе собственных имен (это область лингвистической науки), а на постановку проблемы адекватной и при этом унифицированной в рамках русскоязычной историографии передачи литовской ономастики. Ситуация осложняется и тем, что многие названия и имена уже имеют русскую или, точнее, славянскую форму благодаря соответствующим источникам: древнерусским летописям и славянской письменности Великого княжества Литовского. Возможно, что перед нами и не сугубо научная проблема¹⁰.

Думается, что в вопросах политики перевода помимо собственно переводчика должен определенную роль играть и научный редактор книги. Однако непоследовательность, проявленная в этом случае, указывает скорее на несогласованность действий редактора и переводчика. Помимо данной несогласованности редакция местами грешит незначительными, но досадными промахами. К таковым может быть отнесена подпись к иллюстрации с изображением страницы первой подготовленной в Литве, но изданной в Данциге, книги (латинская «Агенда» Мартина, 1499 г.). Ошибочно в подписи указана и «фамилия» этого Мартина — Мажвидас. Как известно, первую книгу на литовском языке («Катехизис») подготовил Мартин Мажвидас, но произошло это спустя почти 50 лет после указанной даты, и потому спутать двух разных Мартинов можно только по досадной невнимательности, тем более что в самом тексте имя Мартин стоит без фамилии Мажвидас¹¹.

Заслугой редакторской работы должна быть сочтена библиография. Ее составление было инициативой русской редакции «Истории Литвы», поскольку в оригинальной версии она отсутствует. В библиографию включены основные опубликованные источники и наиболее значительные исследования (монографии и статьи), так или иначе касающиеся литовской истории до Люблинской унии.

В целом необходимо подчеркнуть, что «История Литвы» Э. Гудавичюса является первой и пока единственной книгой, посвященной литовской истории, переведенной с литовского языка и выпущенной в постсоветской России. Необходимость в знакомстве с литовской научной исторической литературой назрела уже давно, но, увы, в России до недавних пор руки у издателей до этого не доходили. Появление обобщающей работы по истории Литвы может и должно способствовать началу нового прибалтийского направления в издательской деятельности, поскольку подобная неудовлетворительная ситуация характерна и в отношении других стран Балтии — и Латвии, и Эстонии.

¹⁰ Существуют инструкции по переводу имен собственных с литовского на русский и обратно. См., например: Инструкция по транскрипции фамилий, имен и географических названий с русского языка на литовский язык и с литовского языка на русский язык. Вильнюс, 1990.

¹¹ В литовском издании эта ошибка отсутствует. В русском варианте фамилия *Мажвидас* приводится в скобках.